

УДК 140.8

К ВОПРОСУ О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИИ В ИСКУССТВЕ

Россинский Александр Георгиевич кандидат философских наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул

Галкина Анна Александровна кандидат философских наук, старший преподаватель, Алтайский государственный университет, Барнаул

В статье выявлены факторы, влияющие на формирование «русского национального характера», рассмотрены два его свойства - «совестливость» и «соборность». Приведены многочисленные примеры из различных областей русского искусства. В качестве решения проблемы самоидентификации русского народа предлагается путь переоценки ценностей с опорой на великие национальные традиции культуры.

Ключевые слова: русский; национальный; характер; искусство; совестливость; соборность

Проблема самоидентификации народа, который почти столетие своей истории пребывал в состоянии исторической беспамятности, в наше время становится поистине задачей государственного масштаба. В процессе глобализации конца XX – начала XXI веков столкнулись две ее основные модели. Это атлантическая модель глобализации с либеральной системой ценностей, опирающаяся на протестантскую этику, и демократическая модель, где каждая цивилизационная структура может отстаивать свою идентичность в многополюсном мире «цветущей сложности» (К. Леонтьев).

Не рассматривая в широком плане проблему русского национального характера, мы остановимся на таких его качествах как совестливость и соборность, которые тесно связаны с утверждением православия на Руси. Обращаясь к пониманию русского национального характера, следует заметить, что он формировался под воздействием множества факторов. Из них наиболее заметны, на наш взгляд, влияние христианства и византийской культуры, утверждение российского государства и взаимодействие с другими этносами, географическое положение России между Европой и Азией. Таким образом, основу русского национального характера составляют религия, история и география. Немаловажную роль в этом геополитическом процессе сыграла и природа.

Если следовать предложенной логике, то, прежде всего, понимание русской души кроется в православной культуре народа, которая, по выражению философа Н.В. Головащенко, «с самого начала не убила в нем языческую природу, а обуздала, определила его культуру, жизненный уклад, созидательно сориентировала душевную энергию, претворяя ее в характер народа» [1, с.4].

Такое своеобразие русской духовности, русского духа нашло глубокое воплощение в отечественном искусстве, где основополагающие ее качества – совесть, поиск правды – описываются в произведениях многих русских поэтов. Эти же аспекты отражаются и в русской музыке и живописи.

Высокое предназначение русского художника звучит во многих поэтических строках. Так, у А.С. Пушкина мы читаем:

*Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв, -
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*

А высокая миссия поэта «глаголом жечь сердца людей» - это ли не выражение

вечных укоров совести русского человека и поисков правды, идущих из глубин православного сознания.

О роли поэзии и ее воздействии на человека Баратынский писал, суммируя незрелые теории своего времени:

*Болящий дух врачует песнопенье,
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблуждение
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей
И чистоту поэзии святая,
И мир отдаст причастнице своей.*

Так, через поэзию открывается огромная возможность познания трансцендентальной реальности, явлением которой является загадочная «русская душа». Как отмечает православный философ В. Варава, «русская душа способна не только на духовные взлеты, подъемы и порывы, на которые способен каждый народ (ибо способность к трансценденции – выходу за пределы наличного существования – отлично человеческая характеристика); русская душа способна на сверх-порыв, на неведомое превосходение границ самой культуры» [2, с.15]. Необходимо заметить, что по ту сторону природы, по ту сторону культуры находится образ Божий и православному человеку необходимо превозмочь себя, чтобы подлинно стать человеком. И это преодоление не на пути сверхчеловеческого, по Ницше, а доброе делание, преодоление зла и смерти и в этом корень русской самобытности, где русский человек не принимает «мир во зле лежащий», но стремится посильно, с помощью Божьей, нравственно преобразить и тем самым спасти мир. Такое поведение органично вписывается в понятие «русского менталитета» и зиждется на стремлении к абсолютной ценности, которая воспринимается как единство Истины и жизни. Русский верит в то, что дает его жизни смысл и спасение. Его образ жизни и поведение зависят от того, верит ли он или не верит, а если верит, то во что и как он верит. Что же из всего этого нашло адекватное отношение в отечественном искусстве? Это, прежде всего, закрепившийся в русском самосознании архетип «соборности», который в вероучительном плане означает коллективное житнетворчество и согласие, единодушное участие верующих в жизни мира и церкви. Проистекающий за пределы «соборности» приоритет общего над индивидуальным у русских означает «жертвование» личными интересами в пользу общего блага и отсюда для нашего самосознания становится наиболее характерным православный смысловой план архетипа соборности – мессианство, нацеленное на установление справедливости на всей земле. Не случайно, наверное, русская православная Церковь приобщила к лику святых именно тех людей, которые при жизни проявили высшую степень духовности, были пронизаны Духом, который всегда связывался с такими понятиями, как совесть, мораль, подвиг. В этой связи необходимо отметить, что еще Древняя Русь отличалась «невегласием» - немотой выражения самого глубокого и святого в своем религиозном опыте. Лишь в знаках и видениях да еще в начертаниях и красках иконы она сумела отчасти приоткрыть для нас покров тайны. Обращаясь к этому глубокому слою русской души, можно определить его как то неосознанное, бессознательное, что особо выразилось в русской иконе, зодчестве и русском мелосе. Открытие иконы, по мысли Н. Трубецкого, «дает нам возможность заглянуть в душу русского народа, послушать ее исповедь, выразившуюся в дивных произведениях искусства. В этих произведениях выявилось все жизнеописание и все мироощущение русского человека» [3, с.373]. В системе христианской культуры иконы занимает поистине уникальное место, поскольку ее цель направить наше внимание к Первообразу – через единственный образ Воплощенного Сына Божия – к Богу Невидимому. Почитание иконы есть поклонение Первообразу, молитва перед иконой есть предстояние

Непостижимому и Живому Богу. Созерцающий икону похож на постепенно прозревающего человека, который исцеляется Христом (Мк.8.24). Вот почему о.Павел Флоренский утверждал, что икона всегда либо больше, либо меньше произведения искусства. Все решает внутренний духовный опыт предстоящего. Человек пишет икону, прозревая истинный образ Божий, но и икона создает человека, напоминая ему об образе Божьем, в нем скрытом. Человек через икону пытается взглянуть в Божий лик, но и Бог смотрит на нас через Образ. Условный язык иконы является отражением неполноты наших знаний о божественной реальности. И в то же время – это знак, указывающий на существование красоты абсолютной, которая скрыта в Боге. Наше обращение к богословию вызвано желанием осмыслить икону как сложный организм, где богословская идея выражена определенными художественными средствами; нередко богослов и художник соединялись в одно лицо, как это было в случае Андрея Рублева или Феофана Грека. На вершинах своего расцвета икона совмещала строгое богословие и высокое искусство, что и позволило Евгению Трубецкому назвать икону «умозрением в красках».

Пытаясь далее проникнуть в то «неосознанное и бессознательное», что принесла русскому человеку православная вера, мы обратимся к взглядам Д. Андреева, высказанным им в «Розе Мира», где, объясняя феномен русского зодчества, он пришел к мысли, что «мы имеем здесь дело с фактором иррациональным, может быть, с духовным вкусом сверхнарода» [4, с.259]. В известном «Манифесте Русского Движения» философ И.А. Ильин, обращаясь к истокам русского искусства, первоосновой его считает православную веру. «Искони впитывая в себя ее дух, дух сердечного созерцания, молитвенного парения, свободной искренности и духовной ответственности» [5, с.3], искусство способствовало глубинному выражению и формированию русского самосознания, где русская живопись пошла от иконы; русская музыка была овеяна церковным песнопением; русская архитектура пошла от храмового и монастырского зодчества; русский театр зародился от драматических «действ» на религиозные темы, а русская литература пошла от церкви и монашества.

В этой связи можно обратиться к такому понятию, сформированному Д. Андреевым, как пророссиянство. Это то внутреннее, присущее русской культуре, мироощущение, это то ее качество, которое определило собой характер языческой мифологии и преобладающие русские психологические типы, и проявляемую в искусстве некую универсальную интонацию, переходящую через столетия, и воспринимаемую как неповторимое лицо национальной культуры, национального самосознания.

История не оставила нам имена многих великих духовных тружеников, создававших шедевры русского музыкального и глубоко национального творчества, поскольку своей задачей они, как и иконописцы, считали не самовыражение, а «постижение и воспроизведение небесных песнопений, воссоздание божественного», как полагает Д.В. Полежаев [6, с.92].

Важным в раскрытии поставленной проблемы следует считать, как нам представляется, синтетичность русского искусства, где доминантой и подлинным стержнем становится слово. Именно его смысл составлял основу песнопений, мелодии способствовали его восприятию, пояснению текста, озвучивали его, а иногда и просто иллюстрировали. Такую же сущность слова можно отметить и в иконописи, где согласно постановлению Седьмого Вселенского собора, церковное изобразительное искусство было поставлено на уровень проповеди. Именно церковь всегда выполняла роль основной преграды на пути к всеобщему разложению. Но эту миссию она может выполнить лишь при одном условии – привнесении духовного света в само церковное учение и связанное с ним искусство. Поскольку, согласно православному вероучению, человек не раб, а соратник Бога, а природа есть икона Бога, через нее людям дается видение Божества. Эта мысль находит блестящее воплощение в художественной форме в поэме А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин». Романс П.И. Чайковского, написанный на слова, взятые из этой поэмы, звучит как

гимн божественной природе, прославленной православным подвижником:

*Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И эту бедную суму,
И степь от края и до края,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей нищий я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!*

На текст этой поэмы С.И. Танеев написал одно из значимых произведений в мировой музыке – кантату «Иоанн Дамаскин», которая представляет собой рассказ о размышлениях Св. Иоанна Дамаскина о смерти и о сочинении им погребального песнопения на смерть одного из монахов. В качестве основной темы композитор привлек в свое произведение старинный церковный напев «Со святыми упокой», ставший в русской музыке символом трагического (напев был использован и П.И. Чайковским в 6-й симфонии).

Еще оптинский старец Варсофоний, незадолго до кончины, говорил своему духовному чаду так: «Когда у тебя будут дети, учи их музыке... Музыка способствует развитию восприятия духовной жизни» [7, с.61].

Но не только искусство, непосредственно связанное с верой, наполнено в России высокими духовными устремлениями, за этосом многих произведений отечественных творцов в самых различных жанрах, по выражению Д. Андреева, можно разглядеть элементы того, что он назвал вестничеством – то есть элементы пронизывающего искусство откровения. Это и глубочайшие нравственные порывы в легенде о Кудеяре-разбойнике, у которого вдруг «совесть господь пробудил», и метания Бориса Годунова в опере М.П. Мусоргского: «О совесть лютая, как страшно ты караешь», и поиски таинственного града Китежа, который может найти только русский человек, идя путем познания и просвещения, и многое другое. Обращаясь к этой легенде, мы узнаем, что найти Китеж можно тогда, когда появятся поочередно три знака, свидетельствующие о том, что ищущий действительно продвинулся в своем посвящении. Первый знак – он будет слышать колокола, второй знак – сможет увидеть град Китеж, третий знак – он сможет войти в Китеж-град, в который не всегда и не всякому человеку открыта дорога. Наверное, совершенно не случайно на этом пути встают колокольные звоны. Они выражают глубинную суть русского самосознания. Появившись на Руси тысячу лет назад вместе с христианским мировоззрением, колокольные звоны органично развивались в контексте храмовых искусств, народного музыкального творчества, придя к полному расцвету семантических свойств на основе музыкальных традиций. Но если храмовая архитектура, иконопись, богослужбное пение в своих истоках опирались на «византийское подобие», то становление стиля русских православных звонов, выявление в них жанровых начал проходило на основе традиционного мировоззрения их хранителей-звонарей и общей культуры Руси.

Пройдя сложнейшие этапы своей истории, великолепное использование в произведениях русских композиторов колокольные звоны утверждают и поныне одну из главных национальных идей – идею всеобщего государственного и духовного единения. На основе православия одновременно они становятся неотъемлемой частью не только духовного и светского быта, а и всей художественной культуры. Именно здесь, на наш взгляд, в самой полной мере утверждается одна из главных идей русской философии – соборность. И, возможно, более глубокое постижение исторически сформировавшейся отечественной художественной культуры вернет и русскую философию, находящуюся, на наш взгляд, в кризисном положении, на путь

переоценки ценностей с опорой на великие национальные традиции культуры, где отразились в полной мере духовные искания народа, где рациональное познание находится в органичном единстве с нерациональными формами освоения мира – непосредственной «явленностью мира», открытостью Бытия мира и Бога, благодаря «прозрению», «интуиции» и «озарению».

Литература

1. Головащенко Н.В. Особенности русского национального характера//Материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. Ч. 10: Секции 2-3 симпозиума 3. Пятигорск: Центр информационных и образовательных технологий ПГЛУ, 2006. - 244 с.
2. Варава, В.В. Русская самобытность (к вопросу о месте «культуры» в русской душе)// Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35451.php> (дата обращения: 12.06.2016)
3. Трубецкой, Е.Н. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 512 с.
4. Андреев, Д.Л. Роза Мира. – М.: Иной мир, 1992. – 575 с.
5. Ильин, И.А. Что дало России православное христианство//Православный портал «Дорога домой». - Вып. 6.5. URL: <http://www.dorogadomoy.com/d065ilj.html> (дата обращения: 14.06.2016)
6. Полежаев, Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века»: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.
7. Библиотека Саровского монастыря//Музыкальная академия. 1999. №2. – С 60-75